

Михаил Сафронов

Небо Аустерлица

Рассказы

Михаил Сафронов

Небо Аустерлица

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Сафронов М. В.

Небо Аустерлица / М. В. Сафронов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Первая книга неизвестного саратовского писателя и философа Михаила Сафронова включает в себя рассказы периода с 2000 по 2010 годы, посвященные проблеме сознания, которая тесно связана с темами смерти, любви и одиночества. Предназначена для чтения в автобусах, метро, очередях и т.п. Для широкого круга читателей.

Содержание

От скриптора	5
Не задавай лишних вопросов	6
Под небом Аустерлица	11
Вечер на Ибице	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

От скриптора

Тексты, которые ты держишь в руках, этот бесконечный черно-белый лабиринт, где теряется всякая самождественность, не могут быть инкриминированы какому-то определенному лицу. Их автор, если таковой и существовал на просторах мироздания, давно умер, и его начатый труд завершили время, общественное сознание и коллективное бессознательное, так что теперь они скорее мифы или легенды, которые, как ты знаешь, очень любили рассказывать друг другу эллины, сидя у домашнего очага долгими зимними эллинскими вечерами.

Видимо, такова участь большинства текстов, что возникает и исчезает в нашу беспокойную эпоху – переживать свою молодость, уподобляясь тому, что предшествовало им в веках. Единственное отличие теперь в том, что домашний очаг ныне – прерогатива или очень богатых, которые могут позволить себе камин в своем холостяцком особняке, или очень бедных, что коротают свои вечера около пылающих мусорных баков. А нам с тобой, несуществующему среднему классу, лишь изредка выпадает удача видеть воочию горячие языки пламени – в те редкие случаи, когда мы собираемся вместе у костра посреди ночного леса под необъятным и тревожным звездным небом, таким же древним, как и мы сами.

Так что не думай о нарративной инстанции. Считай, что эти истории, наивозможнейшие в нашем наивозможнейшем из миров, ты услышал в одну из таких ночей, сидя с друзьями вокруг костра, когда выпито еще слишком мало для того, чтобы кто-то, преодолев застенчивость, взял в руки гитару, но уже достаточно, чтобы нестерпимо захотелось поговорить о наболевшем. И ты, конечно, великодушно простишь рассказчику, если он что-то забыл или перепутал, потому что был немного пьян, или что-то прибавил от себя из желания понравиться – ты знаешь, кому.

Привет.

Не задавай лишних вопросов

Эту самую поучительную историю из тех, что вообще возможны, сообщил нам как-то в один из теплых и ясных сентябрьских вечеров проводник Смирнов. В тот раз мы сидели у меня на даче за большим некрашеным столом под желтыми яблонями и за бутылку вишневого вина обсуждали древнюю как мир проблему навязчивых страхов. Вопрос стоял в том, чтобы решить дилемму: должны ли навязчивые страхи, да и вообще многие неприятные эпизоды нашей небезгрешной жизни, вытесняться из памяти для того, чтобы забыть о них и не портить себе нервы, или же мы должны пытаться осознать их корни и причины и затем включить их в свое дальнейшее существование как вполне понятную и объяснимую вещь. И вот тогда в качестве разящего как меч аргумента проводник Смирнов привел свою историю. Он сказал нам следующее.

«Вы знаете, господа, в этом мире мне довелось увидеть и пережить многое, так что скажу вам без лишней скромности, что мало осталось вещей, которых бы я по-настоящему боялся. По-правде говоря, по-настоящему меня пугают всего две вещи. Первая – это предстоящая смерть. Смерти я боюсь с самого детства, и говорить об этом страхе мне, как, наверно и вам, слишком мучительно, и вытеснить навсегда его нереально, а осознать его корни – неподвластно человеческому рассудку. А второе – это зомби, которых я стал бояться совсем недавно, после моей последней встречи с Хосе Антонио Эбанисто, одним бывшим летчиком кубинских авиалиний. Познакомились мы с ним давно, в те счастливые времена расцвета советско-кубинской дружбы, когда я был еще молод, полон сил и энергии, и все у нас получалось. И вот, спустя много лет я встречаю моего дорогого Хосе Антонио в Москве. Конечно, мы оба довольно состарились с тех пор, и здесь ничего не попишешь, но все-таки меня неприятно задело его высохшее лицо, и, главное, его тревожный пристальный взгляд, обращенный ко мне, словно он был не всегда уверен, понимаю ли я его. К моему сожалению, я понимал его настолько глубоко, что продолжаю понимать и сейчас, мои милые друзья. За парой банок «Ягуара», пока мы гуляли, любуясь обновленной столицей, он рассказал мне свою историю. Это история любви.

Знакомство их состоялось достаточно давно, и в их встрече не было абсолютно ничего романтического: она работала стюардессой на его самолете, и все случилось как-то само собой, как оно обычно и бывает. Мне посчастливилось видеть ее пару раз, и это было что-то. Я не буду называть ее имени, вы поймете потом, почему. Эта девушка, а она была на одиннадцать лет моложе Хосе Антонио, она была самая красивая девушка в городе, она была там лучшая.казалось, ее выразительное тело состояло из особой текучей субстанции – она никогда не бывала одинаковой, и глаза ее, только сейчас еще самые блудливые на планете, через секунду становились точно легированная сталь. Только вы не подумайте, что она была как жидкий робот из Терминатора-2. Просто вот, например, сейчас она горяча и подвижна, словно плазма, и говорит всякие глупости, но вдруг какая-то мысль приходит ей в голову, и она становится холодна и недоступна, и вопрос, который собирался ей задать, будто примерзает к глотке. А затем она могла сделать что угодно: заорать в полный голос любимую песню или предложить всем поехать кататься к побережью. Короче, Хосе Антонио был в полном восторге, он выглядел помолодевшим ровно на одиннадцать лет, и глаза его светились, как бриллианты.

Конечно, страсть их была настолько безмерна, что многие соседи по дому смогли навсегда избавиться от ночного храпа, и даже сам Хосе Антонио начинал понемногу утомляться такой любовью, но нельзя также и сказать, что у них там все было гладко, и счастье их длилось всего два месяца. Он был ревнив, как и большинство людей его породы, и лишь строгие порядки Фиделя помешали ему несколько раз устроить поножовщину, а стиль ее поведения, скажу я вам, очень и очень провоцировал мужчин, хотя, возможно, это была вовсе и не ее вина.

Она же, в свою очередь, была своевольна, она знала себе цену и могла позволить себе все что угодно, любую выходку или каприз, отправиться вместе с ним в баре в мужской сортир или затеять драку. Конечно, потом были скандалы. Сумасшедший дом, скажу я вам, но, уверен, со временем бы все уладилось, они бы поженились и завели бы себе целую кучу детей и внуков, как это у них там полагается. Но случилось иначе.

Однажды они отдыхали в баре в небольшой компании, и, после изрядно выпитого, ей ни с того ни с сего захотелось вдруг станцевать специально для Хосе Антонио стриптиз прямо на их столике. Конечно, Хосе Антонио никак не мог позволить любимой сделать этого, учитывая коммунистический режим Кастро и темперамент местного населения, однако же она проигнорировала все возможные доводы, которые показались ей малоубедительными, взобралась на столик, и даже успела снять лифчик. И тогда он вдруг силой толкнул девушку вниз и наотмашь ударил по лицу. Она молча поднялась, развернулась и топless покинула заведение. Он остался, заказал себе бутылку и, только допив ее в одиночестве, пошел домой, обдумывая слова, которые будет говорить.

Он застал ее дома, голой в постели с недопитой бутылкой рома в руке. Говорят, у кубинцев ром в крови с детства. Однако всегда есть грань, за которой вещи изменяют своей сущности. Есть грань, за которой железо уже не ранит. Есть грань, за которой трава уже не вставляет. Есть грань, за которой носки уже не воняют. Возможно, где-то есть грань, за которой грани уже не грани... Короче, она перешла свою грань, и хотя ее организм был молодым и необычайно крепким, все же у нее было нежное женское сердце, которое сломалось о такую грань. Хосе Антонио пришел к остывающему трупу, который еще недавно был самым соблазнительным телом в городе. Единственное, что ему оставалось, так это взять из холодильника еще бутылку рома, лечь рядом и пить до самого утра.

Когда над Гаваной взошло солнце, Хосе Антонио пришла в голову идея. Вместо того чтобы вызвать коронера, он сделал несколько звонков знакомым, обложил тело любимой со всех сторон мороженой рыбой и в тот же день отправил контрабандой на Гаити. Такое можно было сделать и тогда, если у тебя есть хорошие друзья и немного денег. Сам же он смог попасть на Гаити только спустя несколько месяцев, и одному Богу ведомо, где провело все это время несчастное тело девушки. Впрочем, когда Хосе Антонио доставил тело местным вудуистским жрецам, оно выглядело по-прежнему привлекательно и даже, на чей-нибудь вкус, сексуально. Не знаю, сколько мудрецы взяли за свою работу, и как долго совершали они свои таинственные обряды, но в итоге, к огромной радости Хосе Антонио, из тела его девушки сделали превосходного зомби. В тот же день они вернулись на Кубу.

Разумеется, Хосе Антонио не строил никаких иллюзий насчет воскрешения, поскольку каждый знает, что зомби – это еще не полноценный человек, и в каком-то смысле и вовсе не человек, а так – кукла. Снаружи его ничто не выдает как зомби, он может функционировать среди людей, выполнять некоторые команды хозяина, а, следовательно, как-то реагировать на импульсы, поступающие к нему из внешнего мира в виде этих команд. Насколько же много внешних импульсов будет доступно восприятию зомби, и, соответственно, насколько адекватным будет поведение зомби среди людей – это фактор непредсказуемый, который во многом зависит от опыта и терпения мудрецов вуду. Но, в целом, как бы адекватно они себя не вели, они не становятся людьми по той простой причине, что не обладают сознанием, как, например, я, говорящий вам все это. Они как лунатики, которые ничего не соображают и не дают отчета своим поступкам. Или как дрессированные животные. Нам сложно это понять, потому что сознание для нас вполне обыденная вещь, с которой мы сталкиваемся каждое утро, – даже несмотря на то, каким был вечер, и объяснить это – то же самое, что слепому от рождения объяснить, что такое красное. В общем, зомби не осознают себя так же, как и слепые не осознают красное. Вот почему я говорю, что людьми в собственном смысле они не являются.

И Хосе Антонио это прекрасно понимал. И, разумеется, сознательно принимал такой вариант. Потому что, как я думаю, это очень важно просыпаться каждое утро с любимым человеком, и не желать выбираться из нагретой постели, чтобы продолжать целовать припухлые от долгих ночных поцелуев любимые губы. И вновь иметь возможность прикоснуться к горячему возбужденному телу возлюбленной и получать ответные прикосновения, и всегда знать, что в самые тяжелые минуты можно прижаться к кому-то нежному. Это действительно очень важно, даже если любимый человек – зомби.

Но, кроме этого, я думаю, в глубине души Хосе Антонио приятно сознавал также и некоторые выгоды своего положения – иметь такую игрушку. Мало того, что под рукой всегда живая и теплая женщина, женщина, на которую оглядываются на улицах, грациозная, гибкая, желанная, женщина, которая наиболее удачно подчеркивает социальный статус мужчины и позиционирует его как успешного человека, – она также ко всему прочему и образец всех мыслимых женских достоинств: никогда не спорит и не прекословит, да и вообще чаще молчит, чем говорит, ничуть не ревнива, всегда послушна, от нее не надо ждать вздорных претензий и капризов, и не надо тратиться на дорогие подарки... Просто мечта какая-то.

Они опять поселились в своей старой квартирке, где совсем недавно их жизнь, казалось, закончилась. Соседи ничего подозрительного не заметили, разве что стали ночами спать чуть крепче. Хосе Антонио оформил девушке бессрочный отпуск для того, чтобы прежде чем выходить на работу, она, по его мнению, немного попривыкла к новой форме существования, ведь хотя работа стюардессой для зомби и является вполне подходящей, какой-то срок социальной адаптации все-таки необходим. Так они и зажили: Хосе Антонио уходил в рейсы, а возлюбленная потихоньку адаптировалась – стала примерной женой, чистоплотной хозяйкой, нежной любовницей.

Однако эта идиллия продлилась недолго. То ли друзья Хосе Антонио были слишком влиятельны в своих кругах, то ли затраченные им средства оказались гораздо значительнее по сравнению с тем, что ему казалось необходимым затратить в таком важном деле, но, так или иначе, гаитянские жрецы по максимуму использовали все свое сакральное знание и запредельный опыт предков. Поэтому процесс восприятия внешних воздействий в результате частого общения на рынках и в магазинах с домохозяйками и продавцами принял настолько обширные размеры, что в один прекрасный день, когда Хосе Антонио после длительной командировки привез из СССР очередную партию ядерных боеголовок, он не узнал своей женщины.

Или, наоборот, узнал.

Её.

Такая же безудержная, какой он видел ее тогда в баре на маленьком столике, рожденная из огня и морской пены, она, лишь только он вошел, обольнула его и сладко посмотрела из-под ресниц, закусив нижнюю губу... Все такая же импульсивная, она помчалась готовить ему с дороги обед, но вот он появился на пороге кухни, и тарелки и миски с едой полетели вниз с обеденного стола... Короче, все пошло-поехало по-старому, бессонные ночи на берегу Карибского моря, шумные друзья, тратившие денег больше, чем зарабатывали, стуки соседей в стену, блеск, романтика и вечное движение.

Но Хосе Антонио не верил в чудеса. Он знал, что человека может воскресить только Иисус или, по крайней мере, кто-либо из особо почитаемых католических святых, но никак не грязный вонючий старик из глухой гаитянской деревушки в горах. А зомби навсегда останется зомби, хоть убейся головой об стену. И никогда не будет у него ни сознания, ни мыслей, ни чувств, а только ответные реакции на сложный комплекс внешних раздражителей. Точно так же, как жидкий робот из Терминатора-2, который умеет сколь угодно точно копировать людей с их мимикой и жестами, совершенно не понимая смысла всего этого. Но это с одной стороны.

А с другой стороны Хосе Антонио видел любимую им до безумия женщину, которая отвечала ему взаимностью, которая обожала его и стонала в его объятиях, которая волновалась

за него, когда он был на работе, и любила болтать с ним о пустяках в темной душной спальне. Которая могла требовать, ревновать, ненавидеть. И могла плакать, как обиженный ребенок. Она была как настоящая. И с этим надо было что-то решать, потому что оставалось неясным, как с ней себя вести – как с человеком или как с дрессированной мартышкой.

Чтобы наверняка удостовериться в отсутствии у возлюбленной сознания, Хосе Антонио решил сначала просто понаблюдать за ней. Но вскоре выяснилось, что этот метод не дает нужных результатов, поскольку результаты наблюдения можно было истолковать как в пользу наличия, так и в пользу отсутствия сознания. Любимая одевалась, как было принято одеваться в их местности, она пела те же песни, что пели все вокруг, в тех или иных ситуациях она вела себя совершенно так, как следовало вести себя в таких ситуациях, и она хотела того же, что хочет любая женщина.

Тогда Хосе Антонио стал проводить с ней долгие душевные беседы. Он интересовался, что она чувствует в тот или иной момент, и она говорила те самые слова, какие говорят обычно, когда чувствуют то, что нужно чувствовать в эти моменты, потому что других слов для этого не придумано. Когда он кусал ее, она говорила, что ей немного больно, а когда проводил языком по позвоночнику – что ей сыро и холодно. Чувствовала ли же она *на самом деле* боль, сырость и холод – для Хосе Антонио так и осталось загадкой. Он спрашивал, что она думает по такому поводу, но и этот вариант оказался тупиковым, потому что всем давно известно, что наши высказанные мысли есть лишь повторение чужих слов, передаваемых из уст в уста без конца и начала.

Следующей идеей Хосе Антонио было провести целую серию хитроумных экспериментов на предмет установления сознания у любимой. Идея эта, как вы понимаете, с самого начала была обречена на провал, потому что если бы несчастный Хосе Антонио предварительно изучил многочисленную литературу на эту тему, он бы узнал оттуда, что такие эксперименты в принципе невозможны. И у него началась депрессия.

В ту пору правительство Кастро уже начало активную борьбу с применением наркотических средств, поэтому у Хосе Антонио оставался единственный выбор – запой. Он начинал пить ром с утра, пил на работе во время полетов, пил вечером в баре, где когда-то кто-то пытался станцевать на столике стриптиз, и в конце вечера любимая подбирала его облеванного и обоссанного где-нибудь под пальмой и на спине притаскивала домой. Интимная жизнь разладилась. Хосе Антонио объяснял это кризисом среднего возраста. На работе грозило увольнением после того, как Хосе Антонио привел самолет к месту назначения с опозданием в пять часов, причем, где он был все это время, начальству он удовлетворительно объяснить не мог.

Так продолжалось около месяца, пока в одно прекрасное утро, очнувшись у себя в постели с невыносимой тошнотой, головной болью и жаждой и ощутив озноб, он инстинктивно прижался к телу любимой и в этот момент почувствовал ответное движение, он почувствовал объятие и руку, нежно глядящую его по голове против шерсти. И тогда он понял: КАКОГО ЧЕРТА ЕМУ НАДО? Пусть она хоть человек, хоть зомби, хоть обезьяна – она НАСТОЯЩАЯ, и какое ему дело до того, есть ли у нее что-то там в голове *на самом деле*. На самом деле ЕСТЬ ОНА, та единственная, из-за которой стоит жить, страдать и ежедневно хвалить Господа.

С того самого момента Хосе Антонио успокоился. Он, так сказать, вынес за скобки вопрос о существовании у его женщины сознания, и стал жить так, *как будто* она все понимает, чувствует и сознает. Вскоре после этого они поженились и завели себе целую кучу детей и внуков, как это у них там полагается, и все теперь у них вполне и вполне благополучно.

Вот что рассказал мне мой дорогой Хосе Антонио к тому моменту, когда мы с ним расстались возле Мавзолея. Он захотел в очередной раз посетить Вождя, меня же ждали другие заботы. Итак, Хосе Антонио успокоился, а я, наоборот, после его истории почувствовал смутное, но очень сильное беспокойство. Почти в это самое время ко мне подошел милиционер и сделал замечание по поводу распития «Ягуара» в общественном месте. Я предьявил ему свои

документы, которые были у меня более чем в порядке, и вдруг меня объял ужас. Мне показалось, что мои документы проверяет зомби, и вся безвыходность моего положения заключалась в том, что я никак не мог установить, так ли это, или же я ошибаюсь. Милиционер с сомнением посмотрел на мое лицо (а оно, наверняка стало сомнительным) и отошел, но ужас остался. Не помню, как я ехал в метро наполненном зомби, которые что-то читали, беседовали, мечтали, или черт знает, что там такое было у них в голове *на самом деле*. Наверно, в полубомороке. Во всех я подозревал зомби, и ни в ком – живого человека. Я добрался домой, закрылся на ключ и просидел в квартире, не принимая друзей и не подходя к телефону где-то около двух недель, без пищи и сигарет. Я все искал принцип, по которому можно было бы отличить зомби от живого человека, чтобы наконец избавиться от этого ужаса. Принцип я так и не придумал, и от ужаса не избавился, только запрятал его в глубины бессознательного.

Но я вывел одну простую истину, друзья мои, как бы более широкий принцип. В науке известно, что правильно сформулированный вопрос на восемьдесят процентов уже содержит в себе ответ. В переводе на наш простой язык это значит, что не надо задавать таких вопросов, ответы на которые могут тебя огорчить. И я перестал спрашивать себя, зомби тот или иной индивид, или же человек, тем более что в этом нет никакой разницы: и с тем, и с другим можно прекрасно найти общий язык и приятно провести время. Поэтому не задавай лишних вопросов, ибо сказано в Писании: не искушай Господа твоего. По этой же самой причине сейчас я не задаю себе вопроса: а понимаете ли *вы* меня, друзья мои».

Под небом Аустерлица грёза

*Вдруг поплыли знакомые лица,
И приснился невиданный сон:
Видит он небо Аустерлица,
Он не Стёпка – он Наполеон.
А. Башлачев.*

Наполеон внезапно проснулся среди ночи в своей палатке от невыносимой головной боли. Он открыл в темноте глаза, и некоторое время прислушивался к тяжелому дыханию адъютантов и денщиков, спящих на полу вповалку. Затем он отвернулся на бок, чтобы попытаться вновь забыться сном, но вдруг почувствовал мучительный и безысходный страх.

Ему показалось, что крошечная тьма вокруг него, и пропитанный перегаром воздух палатки, и подкатывающая к горлу тошнота, и безысходность – единственное, что есть в этом чужом мире на самом деле, и что пребудет в нем навеки, и даже он сам – напуганный, подавленный и ничтожный – навсегда останется таким, он всегда был таким, и будущее никогда уже не наступит. На секунду он подумал о самоубийстве, но самоубийство показалось ему не менее ужасным и отвратительным, чем само существование, в котором не было ничего, кроме ужаса и отвращения.

Тогда он поднялся со своего ложа, нащупал впотьмах шинель и, накинув ее на плечи, вышел на свежий воздух улицы. Было холодно и одиноко. Город спал, над ним красно-фиолетовыми тучами нависло большое февральское небо, как всегда, совершенное, и, как всегда, равнодушное в своем совершенстве. Только оно знало всё. Постояв немного с запрокинутой головой, Наполеон застегнулся на все пуговицы, поднял воротник шинели и медленно пошел прочь.

Незаметно обогнув патруль, он нырнул сквозь голые заросли кустарника и оказался вначале пустынной заснеженной аллеи, уводящей куда-то вниз, и небо теперь казалось распахнутым перед ним настезь. Наполеон пересек аллею, и, миновав спящую пятиэтажку, подошел к ярко освещенному окошку ночного ларька на троллейбусной остановке, где на несколько луйдоров купил две бутылки пива и пачку сигарет.

Первую бутылку он выпил сразу, не отходя от ларька, большими жадными глотками, потом закурил и отошел к полузанесенной снегом скамейке, где открыл вторую. Страх немного утих, но невыносимость и безысходность бытия по-прежнему заполняли его, хотелось съеститься и заснуть. Его пробирал озноб, и он плотнее кутался в шинель, засунув руки поглубже в карманы.

Вдалеке вновь показался патруль, – два милиционера с автоматами, – и, стараясь избежать с ними встречи, он вернулся к ларьку и прислонился к ледяной металлической стене, сплошь оклеенной бумажными клочками объявлений. На одном из них, прямо перед его стекленеющими глазами, на маленьком зеленом квадратике было написано:

Г Р Ё З Ы
60 – 20 – 20

Он достал из внутреннего кармана мобильник и набрал номер.

Спустя полчаса, когда он, вконец замерзший, сидел, ссутулившись, на спинке скамейки и допивал пиво, возле него остановилась серая «шестерка». Он швырнул пустую бутылку в сугроб, купил в ларьке еще полдюжины пива и сел в машину на переднее сиденье. Водитель тронулся с места, и они понеслись по длинным пустым проспектам мимо ярко-желтых огней осветительных мачт, словно безуспешно стремились по бесконечной взлетной полосе подняться в небо.

Он обернулся, и на заднем сиденье увидел девушку, которую не смог разглядеть в полутьме, освещаемую лишь быстро пробегающими линиями ночных фонарей. Она мельком посмотрела на него, но ничего не сказала и отвернулась к окну, не пытаясь скрыть равнодушия. Он открыл пива и тоже стал смотреть в окно, на дорогу, неотвратимо уносящую в фиолетово-красную ночь.

– Что, брат, загулял? – спросил водитель.

– Тебе-то что, – огрызнулся он в ответ. – На себя посмотри.

– А что я, – миролюбиво ответил тот. – Я работаю, мне детей кормить надо.

Наполеон приоткрыл дверь на полном ходу и яростно выбросил в нее бутылку, затем, обернувшись к водителю, сказал:

– А ты думаешь, ты это только внешне такой, а твой внутренний мир сохраняется в первоначальной чистоте? Мир, наполненный отвагой и любовью, где эльфы и доблестные витязи? Ведь ты даже и не догадываешься, что в твоём мире Галадриэль давно уже торгует в шинке бодяжным спиртом, а Гэндальф живет спекуляцией? Лучиэль, так и не дождавшись Берена, давно уже отдалась двум лучникам одновременно, хоббиты совсем скурились, а Арагорн тупо дремлет в далеких северных пустошах. Ты еще не знал? Ты не знал, что непрерывной стены между внутренним и внешним миром не существует?

Водитель тактично промолчал. Наполеон отвернулся от него и стал смотреть в ночное небо. Оно было, как всегда, совершенно. Ему вдруг почудилось, что все должно быть хорошо.

Водитель высадил их с девушкой во дворе новой девятиэтажки, отдал девушке ключи, и, пообещав ровно через два часа вернуться, уехал. Они прошли вдоль черных деревьев в подъезд и молча поднялись в лифте на восьмой этаж. Квартира, в которую они попали, оказалась обычной, и только идеальный и неестественный порядок в ней напоминал о гостиничном номере.

Пока он выставлял на журнальный столик пиво и искал стаканы и пепельницу, девушка разделась, и он смог, наконец, рассмотреть ее. Казалось, ей было чуть больше восемнадцати, а может – не было и того. Худое юношеское тело с едва оформившейся грудью, коротко стриженные вьющиеся темные волосы, почти полное отсутствие косметики на веснушчатом лице и припухлые слабо очерченные губы – всё это делало ее похожей на простую девчонку с соседнего двора, словно вернувшуюся из его далёкой юности, когда в голове еще гулял ветер, была первая любовь и первый портвейн, и песни под гитару до утра, – юности, которой у него, в сущности, никогда не было. Впрочем, она и была такой девчонкой на самом деле.

Он разделся следом за ней, оставшись лишь в джинсах, уселся в кресло и налил по стаканам пиво. Она села к нему на колени и спросила:

– Я тебе не нравлюсь?

– Почему? Нет, – ответил он. – Нравишься. Очень нравишься. С чего ты взяла?

– Ты хмуришься всё время, – сказала она. – Может, тебе другую привезти?

– Не надо. Ты мне нравишься, – он протянул руку и взял стакан. – Мне другую не надо.

Мне просто страшно.

– А ты мне нравишься, – сказала она.

Она поцеловала его в губы, и поцелуй получился очень долгим и нежным.

– Ничего не бойся. Ты в безопасности. Всё будет хорошо.

Он залпом выпил весь стакан и потянулся за сигаретами.

– Понимаешь, – сказал он, прикуривая. – Я боюсь, что будущего никогда уже не будет, и так останется навсегда. И всегда будет страшно.

Она поцеловала его снова, и он закашлялся, потому что ему пришлось задержать дым внутри себя. Она взяла из его руки сигарету и затянулась.

– Правильно, – сказала она. – Будущее никогда уже наступит, но этого не надо бояться.

– Почему?

– Потому что будущее уже наступило.

Она резко смяла в пепельнице сигарету, встала с его колен и увлекла на кровать, гладко застеленную чёрной атласной простыней с большими красными маками.

Спустя некоторое время резко зазвонил древний эбонитовый телефон, притаившийся под журнальным столиком. Он звенел долго и мучительно.

– Возьми трубку, – наконец прошептала она. – Это тебя.

– Я уже понял, – тоже шепотом ответил он. – Чёрт с ними.

Телефон так же резко замолчал, и больше уже не звонил, а еще через некоторое время он сказал ей:

– Наверно, я сегодня слишком много выпил.

– Перестань... глупости...

– Я, кажется, больше не смогу...

– А тебе это очень важно?

– В-общем, нет, – ответил он, немного подумав. – Ну, я не знаю...

Она ловко спрыгнула с кровати и стала разливать пиво.

– Может, давай тогда просто поговорим? Ты же знаешь, с девушками моей профессии можно говорить о чём угодно, рассказывать всю-всю правду.

Он ухмыльнулся и перебрался обратно в своё кресло.

– А ты случайно не биоробот, созданный в подвалах Лубянки, чтобы собирать и транслировать конфиденциальную информацию?

Она засмеялась и, держа в руках стаканы, села ему на колени. Поцеловала.

– А какая разница? Ведь ты можешь говорить все, что угодно, и это и будет правдой.

– Тебя как звать-то?

Она на секунду задумалась.

– Ну, зови меня Сашей.

– А ты меня – Мишей. Ну, давай, – он взял у нее один стакан. – За знакомство.

Они выпили пива, а потом проговорили целый час, оставшийся им. И все, что они говорили, становилось правдой. В условленное время водитель ждал на прежнем месте и согласился подбросить его обратно. Наполеон открыл заднюю дверцу машины и, пропуская девушку вперед, посмотрел в небо. Оно было все точно такое же – фиолетово-красное, тяжёлое и необъятное. И оно знало правду.

Через полчаса Наполеон вышел из машины. Город по-прежнему спал. Снова незаметно миновав патрули, он вернулся в свою палатку, лег обратно и укрылся с головой шинелью. Никто не заметил его отсутствия. Он заснул крепко и снов никаких не видел.

А наутро было сражение.

Вечер на Ибице

Ни для кого не секрет, что буржуазные преобразования в нашей стране создали благоприятную почву для роста и развития реакционных представлений об обществе и человеке. Не секрет и то, что на этой почве успешно размножились всевозможные теософы, каббалисты и мистики, то есть именно те, для кого случай, произошедший в беспокойных девяностых с одним молодым человеком, может дать богатую пищу для спекуляций и мощное оружие в их борьбе с позитивной наукой. Именно это обстоятельство побуждало меня долгое время к молчанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.